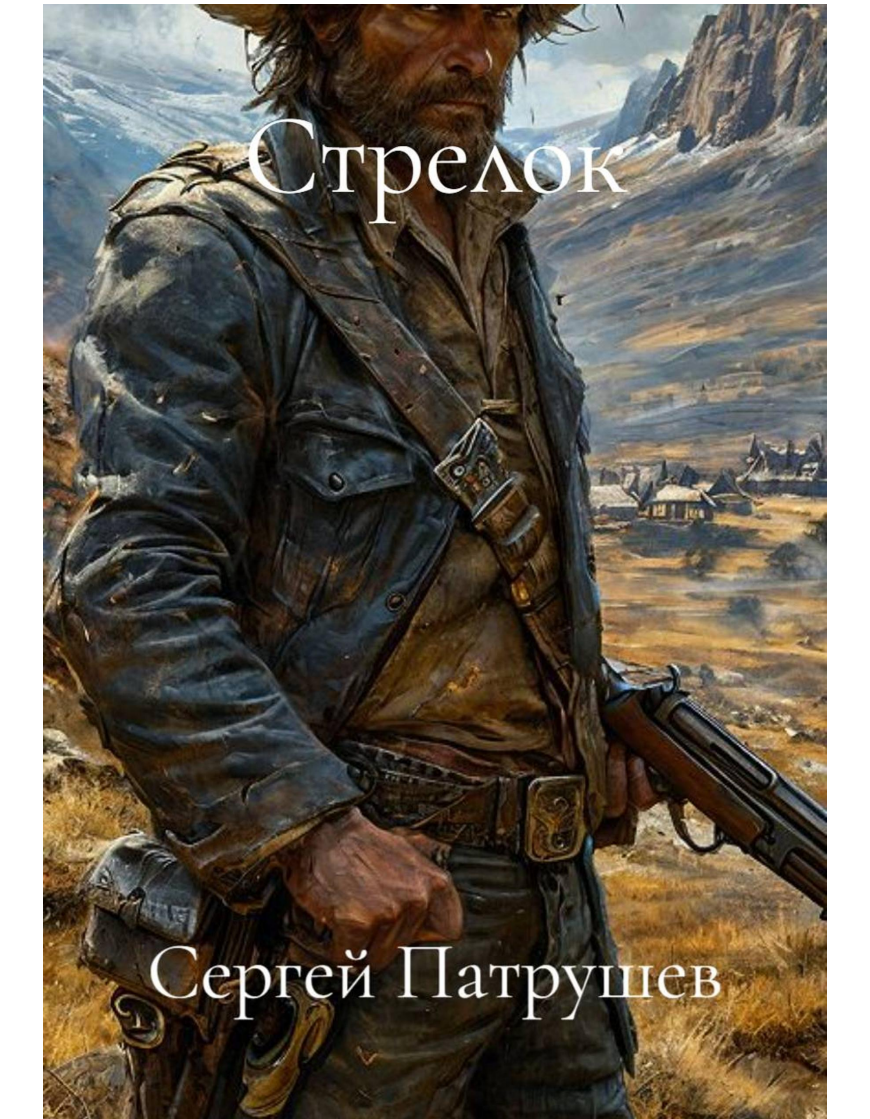

Стрелок

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Стрелок

<https://litres.ru/74294068>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его зовут Стрелок. Его оружие именной «Миротворец». Его память - поле боя. Очнувшись среди пепла и трупов, он понимает: кто-то использовал его револьвер, чтобы уничтожить целую деревню и повесил вину на него. В кармане обсидиановая пуля, единственная зацепка, ведущая в земли, откуда не возвращаются.

В городе-призраке Кроуфорд слепой оружейник слышит шёпот металла и сообщает: в барабан был вставлен седьмой, магический патрон, стирающий память. На перевале Стрелка ждёт Зверь - хищная пустота в облике погибшей наставницы, питающаяся страхом а в подземном Каракоруме - бывший ученик, похитивший его тень. Чтобы победить, Стрелку придётся выстрелить в собственное отражение и навсегда изменить природу своего оружия.

Содержание

Глава 1. Пепел вместо колыбели	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Патрушев

Стрелок

Глава 1. Пепел вместо колыбели

Сознание возвращалось неохотно, рывками, словно его вытаскивали на поверхность из толщи мутной, ледяной воды, в которой он тонул целую вечность. Это было похоже на рождение — мучительное, слепое, наполненное болью и абсолютным непониманием того, где заканчивается он сам и начинается внешний мир. Сначала из небытия проступили запахи, и они были столь омерзительны, что желудок скрутило спазмом еще до того, как он открыл глаза. Пахло жареной свининой — сладковатой, приторной, тошнотворной. Но где-то в глубине сознания, в той его части, что никогда не спала, даже когда спил он сам, тихий, ледяной голос поправил: «Это не свинина. Это человеческая плоть». И вместе с этим осознанием пришло знание того, что запах горелого мяса смешан с тяжелым духом сырой, обугленной древесины, мокрой золы и раскаленного докрасна металла, который уже успел остыть под утренним морозцем. Этот букет был настолько плотным, что его можно было жевать, он оседал на языке, на зубах, пропитывал потрескавшиеся губы, и Стре-

лок понял: теперь этот вкус останется с ним навсегда.

Затем пришел звук. Тишина, которая окружала его, не была пустой. Она была наполнена десятками крошечных, интимных шумов, которые может различить только тот, кто привык слушать ночь. Мерный, чавкающий треск прогоревших углей где-то слева — так трещит дерево, когда пламя умирает, пожирая последние крохи влаги. Шипение пара, вырывающегося из лопнувшей от жара глиняной печной трубы. И поверх всего этого — плач. Высокий, надрывный, режущий по нервам детский плач, который доносился откуда-то с окраины деревни. Он звучал недолго, всего несколько секунд, а затем захлебнулся и умолк. И эта внезапная, ватная тишина была страшнее самого крика. Стрелок не знал, успокоили ли ребенка, или у того просто кончились силы. Или воздух. Он заставил себя не думать об этом. Эмоции сейчас были роскошью, которую он не мог себе позволить.

Он лежал на спине, и что-то острое и твердое впивалось ему между лопаток — обгоревшая доска с торчащим гвоздем или осколок стекла. Позвоночник затек так, что каждое микродвижение отдавалось прострелом в затылок. Левая рука онемела настолько, что превратилась в чужеродный, безжизненный предмет, деревянный протез, который кто-то прикрутил к его плечу ради злой шутки. В виске, глубоко, под самой костью, пульсировала боль — не острая, а тупая, вы-

матывающая, ритмичная, словно там засел маленький человечек с молоточком и методично, раз за разом, бил по наковальне. Боль была настолько всеобъемлющей, что он попытался нырнуть обратно в беспамятство, но не смог. Тело отказывалось отключаться.

Он попытался разлепить веки. Это простое действие потребовало невероятных усилий, сравнимых с поднятием тяжелого забрала проржавевшего рыцарского шлема. Правый глаз подчинился с отвратительным, липким звуком — ресницы были склеены коркой, которая могла быть только застывшей кровью, смешанной с пеплом и грязью. Левый глаз не открылся вовсе. Веко представляло собой тугую, воспаленный, багровый мешок, горячий на ощупь, словно только что вынутое из печи яйцо. Сквозь узкую щель правого глаза мир явился ему размытым, лишенным глубины и цвета, как старая, выцветшая фотография, которую слишком долго продержали на солнце.

Серое небо над ним было низким, тяжелым, набухшим снегом, но снег не шел. Тучи просто висели, давя на землю своим брюхом, обещая непогоду, но не даруя ее, словно природа затаила дыхание вместе с ним. На фоне этого свинцового полотна черными, обугленными скелетами торчали остовы того, что раньше было домами. Бревенчатые срубы, покрытые дранкой, превратились в груды обугленных костей,

из которых там и тут поднимались тонкие, дрожащие струйки дыма. Снег, который он помнил белым и искрящимся, теперь лежал грязным, ноздреватым саваном, присыпанным жирными, маслянистыми хлопьями пепла. Пеплом, который не просто лежал — он жил. Он медленно, лениво кружился в воздухе, подхваченный слабыми, неуверенными порывами ветра, и оседал на лицо Стрелка, на его одежду, проникал в ноздри, забивал горло. Пеплом, который раньше был чьим-то домом, чьей-то мебелью, чьей-то одеждой, чьей-то плотью. Пепел вместо колыбели.

Стрелок закашлялся — сухим, лающим, раздирающим легкие кашлем. Грудная клетка болела так, будто по ней проехалось стадо мустангов. Каждый вдох давался с хрипом, словно внутри что-то сломалось, сместилось и теперь терлось о ребра при каждом движении диафрагмы. Он оперся ладонями о землю, чтобы сесть, и пальцы его правой руки сомкнулись на предмете, ощущение которого было знакомо ему лучше, чем ощущение собственного сердцебиения. Холодный металл. Отполированная до зеркального блеска вороненая сталь. Рифленая рукоятка из потемневшей от времени и пота кости виверны, которая идеально ложилась в его ладонь, повторяя каждый изгиб, каждую мозоль, каждую линию судьбы на его руке. Именной револьвер системы «Миротворец». Единственный в своем роде, выкованный из дамасской стали старым мастером Джаспером, который знал

секреты металла, утерянные еще во времена Второй Эпохи. Оружие, которое никогда ему не изменяло. Оружие, которое было продолжением его руки, его воли, его души.

Он поднес револьвер к лицу, напрягая единственный зрачковый глаз. Рука, державшая оружие, дрожала от слабости, но хватка оставалась стальной. Барабан был выщелкнут в сторону — он был пуст. Все шесть камеров зияли чернотой. Из ствола еще поднималась едва заметная, дрожащая струйка дыма, которая смешивалась с окружающей вонью. И ствол был горячим. Не теплым от близости тела, не нагретым солнцем — солнца не было уже третьи сутки. Он был именно обжигающе горячим, словно последний выстрел прогремел всего несколько минут назад. Или несколько десятков выстрелов. Стрелок поднес ствол к носу и втянул воздух. Едкий, химический запах сгоревшего пороха ударил в ноздри. Запах свежий, резкий, не выветрившийся. Оружие стреляло. Стреляло много.

Он медленно, преодолевая боль и головокружение, сел. Это простое действие заняло у него почти минуту. Сначала он перекатился на бок, чувствуя, как хрустят и протестуют все позвонки, затем подтянул колени к груди и, опираясь на левый локоть, принял вертикальное положение. Мир качнулся, поплыл, краски смешались в мутное пятно, но он усилием воли заставил реальность замереть на месте. Голова

кружилась так, что тошнило. В ушах стоял тонкий, комариный звон — следствие контузии или удара по голове. Его длинный кожаный плащ-пыльник, верный спутник во всех странствиях, был изодран в клочья. Левый рукав отсутствовал вовсе, оторванный по самое плечо, а предплечье было туго, до синевы пальцев, перетянута грязной, пропитанной засохшей кровью тряпкой. Он не помнил, откуда взялась эта повязка. Он не помнил, кто его ранил. Он не помнил, как оказался здесь.

Он сидел посреди главной улицы, которая больше не была улицей — только полосой утопанной грязи, глины и пепла между двумя шеренгами руин. Но он узнал это место. Не сразу, но узнал. Память, словно старый, заржавевший механизм, провернулась со скрипом и выдала картинку из прошлого, из мирного времени, которое теперь казалось сном. Три дня назад он въезжал в эту деревню верхом на своем вороном жеребце по кличке Циан. Он помнил, как хрустел под копытами первый, чистый снег. Помнил запах свежеспеченного ржаного хлеба, который плыл из открытой двери пекарни, смешиваясь с ароматом хвои и дыма из труб. Он помнил смех детей, игравших у обледенелого колодца, и их разбурлявшиеся от мороза щеки. Помнил улыбку старосты — морщинистого, сгорбленного старика с пожелтевшей от времени трубкой, который вышел на порог своего дома, прищурился, узнал его и предложил кров, ужин и сена для ко-

ня. Помнил обещание, которое он дал этим людям, глядя в их доверчивые, полные надежды глаза. «Я останусь здесь на ночь, — сказал он тогда. — Можете спать спокойно».

А теперь он сидит посреди кладбища, которое еще недавно было живой, теплой, дышащей деревней, и в его руке — дымящийся револьвер с пустым барабаном, а вокруг него — трупы тех, кому он обещал защиту. Трое суток. Провал в памяти длиной в жизнь. Три дня, о которых он не помнил ровным счетом ничего. Ни одного образа, ни одного звука, ни одного запаха. Абсолютная, черная, бездонная пустота. Как будто кто-то взял скальпель, вскрыл его черепную коробку и аккуратно, ювелирно вырезал кусок его жизни. Ампутировал время.

Первое, что нужно сделать — встать. Первое правило выживания в любой передрыге: стань вертикальным. Вертикальное положение дает обзор, мобильность и возвращает контроль над ситуацией. Он заставил себя подняться. Сначала на одно колено, пошатываясь, борясь с желанием завалиться обратно в спасительный, обволакивающий пепел. Затем, ухватившись за обугленный остов дверного косяка, выпрямился во весь рост. Колени предательски дрожали, мышцы ног сводило судорогой, но кости, кажется, были целы. Это уже хорошо. Он провел языком по пересохшим, потрескавшимся губам и сделал первый шаг. Затем еще один.

Первое тело он увидел почти сразу. Точнее, не само тело, а то, что от него осталось, — грудю обгорелой плоти и одежды, которая лежала ничком у остова кузницы, наполовину погребенная под рухнувшей горячей балкой. Стрелок наклонился, преодолевая протестующий хруст в коленях и резкую боль в спине, и с трудом, напрягая дрожащие от слабости мышцы, перевернул труп на спину. Тяжелый, уже окоченевший. Из груди Стрелка вырвался вздох, похожий на стон. Это был кузнец Харальд. Он узнал его не по лицу — лица не было, оно превратилось в обугленную маску, — а по широкой, массивной кости, по остаткам кожаного фартука, который спекся от жара в твердую, как камень, пластину. По обручальному кольцу, намертво вплавленному в распухший палец. Но не обожженное лицо заставило Стрелка замереть и похолодеть изнутри. В груди кузнеца, чуть левее грудины, аккуратно, почти с хирургической точностью, зияло входное отверстие. Идеально круглое, опаленное по краям пороховыми газами, оно говорило о выстреле в упор. Пулевое ранение.

Стрелок знал этот калибр. Знал слишком хорошо. Он видел такие ранения сотни раз — на трупах бандитов, на телах врагов, на тушах животных. Сорок четвертый калибр, патрон центрального воспламенения, с характерным тупоконечным свинцом, который при попадании разворачивается

в теле, оставляя маленькое входное и огромное, рваное выходное отверстие. Такие пули подходили только к одной модели оружия в радиусе нескольких сотен миль. К его «Миротворцу». К оружию, которое он все еще сжимал в руке.

Он выпрямился и закрыл глаза. Холод, исходивший не снаружи, а откуда-то изнутри, из самого нутра, сковал внутренности тугим ледяным узлом. Это не мог быть он. Это не должен был быть он. Но прежде чем делать выводы, нужно собрать факты. Все факты. Полную картину. Эмоции — это яд для логики. Паника — это смерть для стрелка. Он повторял это как мантру, шагая дальше по главной улице, и каждый шаг давался ему все легче. Тело вспоминало, как ходить, как дышать, как смотреть.

У колодца лежали еще двое. Вернее, пытались лечь, но смерть настигла их в движении. Молодая женщина в разорванном, некогда нарядном платье, прижимающая к груди сверток из одеял. Сверток, в котором угадывались очертания младенца. Оба убиты выстрелами в спину. Они бежали. Они пытались спастись. Их догнали пули. Выходные отверстия на груди были огромными, рваными, — пули прошли навывлет, разворотив плоть и кости. Сорок четвертый калибр не оставляет шансов. Он смотрел на тело женщины и ребенка, и что-то внутри него — не сердце, нет, сердце он давно научился запираť на замок, — что-то более глубинное, зве-

риное, инстинктивное, взвыло от ужаса и отвращения. Если это сделал он, то ему нет прощения. Ни в этой жизни, ни в следующей.

Он заставил себя отвернуться. Смотреть на них было нельзя — это парализовало бы волю. Вместо этого он начал методичный, холодный осмотр места преступления. Так, как учил его когда-то старый Хантер, первый наставник: «Если хочешь понять, кто убил, стань убийцей. Думай, как он. Двигайся, как он. Смотри на мир его глазами». И Стрелок начал думать.

Первым делом — гильзы. Они рассказывают историю боя точнее, чем любой выживший. Он двинулся по периметру площади, низко опустив голову, водя кончиками пальцев по остывшему пеплу и обгоревшей земле. Это была кропотливая, ювелирная работа. Нужно было отсечь все лишнее: обломки досок, осколки стекла, куски обугленной ткани, комья грязи. Искать только латунь. Только желтый металл, который не тускнеет даже в пожаре.

Нашел он их почти сразу. Пять латунных гильз лежали кучно, примерно в десяти шагах от колодца, чуть разбросанные в стороны, как и положено при стрельбе из револьвера. Он поднял одну, осторожно, двумя пальцами, словно это была не гильза, а ядовитая змея. Поднес к лицу. На доньшке —

отчетливое клеймо: скрещенные молот и звезда. Клеймо мастера Джаспера из Оружейного Квартала. Его личного оружейника, который делал патроны специально для его револьвера. Сомнений быть не могло. Он взвесил гильзу на ладони, понюхал. Порох сгорел не до конца, чувствовался кисловатый, резкий запах селитры с примесью серы. Выстрелы были произведены недавно. В течение последних нескольких часов.

Он перевел взгляд с гильзы на позицию стрелка, от которой они отлетели, затем на трупы у колодца. Баллистическая логика, простая и жестокая, рисовала однозначную картину. Стрелок стоял здесь, на этом самом месте, широко расставив ноги для устойчивости, и вел беглый огонь по убегающим. Сектор обстрела идеально совпадал с тем местом, где сейчас лежали трупы женщины и ребенка. Он стрелял им в спины. В незащищенные спины.

Стрелок стиснул зубы так, что на скулах вздулись желваки, и двинулся дальше. Следующей точкой осмотра была таверна — самое большое здание в деревне, место, где обычно собираются люди в случае опасности. Таверна выгорела изнутри, но стены, сложенные из толстых бревен, устояли. Крыша рухнула, похоронив под собой все, что было внутри. Но кое-что он все же смог рассмотреть.

Под обугленными стропилами, среди битого стекла и обломков мебели, лежало еще трое. Двое мужчин и женщина. Здесь явно была борьба. Мужчины погибли не сразу, не от первой пули. Один — охотник, судя по нашивкам на куртке, — умер, сжимая в окоченевших пальцах охотничий нож с широким лезвием. На ноже не было крови. Он не успел ударить. Второй — возможно, хозяин таверны, — лежал, все еще сжимая в руке сломанный табурет, которым он, видимо, пытался отбиться. Но и здесь финальным, смертельным аккордом были пулевые отверстия. Одно в голову охотнику — выстрел настолько точный, что вошел точно в переносицу. Одно в сердце хозяину. Оба одинаково точные, профессиональные, поставленные рукой, которая не знала промаха. И на стене, чуть левее дверного проема, он нашел еще одну улику. След от пули. Она вошла в бревно под острым углом, выбив глубокую борозду и застряв где-то в толще дерева. Угол говорил о том, что стреляли от входа, снаружи. С его позиции. Если бы он стоял в дверях таверны.

Паника — роскошь, которую он не мог себе позволить. Но ледяная змея сомнения, которая поселилась где-то под сердцем, сжимала свои кольца все туже и туже. В его голове роились мысли, одна страшнее другой. Что, если сомнамбулический психоз? Старый шаман из племени Теней, который когда-то, в другой жизни, предсказывал ему судьбу, говорил что-то о проклятии крови. «В твоём роду было безу-

мие, Стрелок, — сказал он тогда, глядя сквозь него своими белесыми, как у вареной рыбы, глазами. — Твой дед разговаривал с тенями. Твой отец видел врагов в каждом кусте. И ты не избежишь этой участи. Однажды ты проснешься и не узнаешь, кто ты и что ты натворил». Что, если это случилось? Что, если он сам, своими руками, хладнокровно, методично, вырезал целую деревню, а теперь его разум, пытаюсь защититься от чудовищной правды, воздвиг эту стену беспамятства, этот спасительный провал? Что, если он — Мясник из Лощины?

Он отогнал эту мысль. Она была ядовитой, липкой, она проникала в каждую клетку мозга и парализовала волю. Нельзя верить в то, чего не помнишь. Это первое правило допроса самого себя. Верь только фактам. Только тому, что можно пощупать, измерить, взвесить. Верь только уликам. И он продолжил поиск.

Он осматривал каждый сантиметр земли, каждый обугленный камень, каждую упавшую ветку. Его острый, натренированный годами одиночества и охоты взгляд выхватывал детали, недоступные обычному человеку, — узоры, складывающиеся в картину произошедшего. Вот здесь, у околицы, начинались следы вторжения. Хаос отпечатков копыт на снегу и грязи, глубокие борозды — лошади неслись галопом, всадники не жалели шпор. Подковы, судя по отпечаткам, бы-

ли с шипами, рассчитанными на гололед, — значит, нападавшие знали, куда едут, и подготовились. Следы вели из леса, из Гиблой Чащи, и обратно в лес. Это не был спонтанный набег. Это была спланированная военная операция.

Он насчитал минимум шесть различных отпечатков копыт. Шесть лошадей. Но отпечатки были разной глубины. Те, что вели в деревню, — глубокие, тяжелые. Те, что вели обратно, — заметно легче. Либо лошадей стало меньше, либо... всадники спешились и увели коней в поводу, нагрузив их добычей. Или трупам своих павших. Он двинулся по следам, низко пригибаясь к земле, словно ищейка. Следы вели к окраине, туда, где дорога ныряла в лес, в ту самую Гиблую Чащу, о которой ходили нехорошие слухи. Здесь, в грязи, смешанной с почерневшим снегом и конским навозом, он нашел еще одну гильзу. Но эта была другая.

Он поднял ее и поднес к глазу. Винтовочная, длинная, с острым, бутылочным горлышком. Семидесятый калибр. Армейский образец, который использовали в регулярных войсках Восточного Предела. Это была первая зацепка, которая не укладывалась в картину «одинокого безумца». Кто-то стрелял из винтовки. Кто-то, у кого было армейское снаряжение. Он спрятал винтовочную гильзу в карман плаща, где она звякнула о что-то металлическое. Затем он нашел следы сапог. Множество следов, глубоких, четких, с характер-

ным рифлением армейской подошвы. Они сустились здесь, на опушке, топтались, что-то грузили. И был один след, который заставил его остановиться и замереть.

Этот отпечаток был другим. Он был неглубоким, почти невесомым. Казалось, человек, оставивший его, весил не больше десятилетнего ребенка, но длина стопы была взрослой, даже, пожалуй, чуть больше, чем у обычного мужчины. И край отпечатка был странным — не смазанным, не раздавленным, а идеально ровным, геометрически четким. Словно он был оставлен не кожаным сапогом, а каменной колодкой. Или босой ногой, которая по твердости не уступает камню. Стрелок нахмурился. Что-то в этом следе было неправильное, чуждое, вызывающее глубинный, животный страх, который поднимался откуда-то из спинного мозга. Повинуясь не логике, а инстинкту, он двинулся по этому странному следу в обход деревни, к задворкам, туда, где раньше стоял большой амбар, а теперь громоздилась бесформенная куча обугленных бревен и сплавившегося в стекло песка.

Здесь было самое сильное пожарище. Эпицентр. Огонь здесь бушевал с такой яростью, что плавил гвозди и превращал речной песок в мутные, пузырьчатые стеклянные шлаки. Воздух здесь до сих пор был горячим и дрожащим, как над жерлом вулкана, а запах гари был настолько концентрированным, что резал глаза. И посреди этого черного, выжжен-

ного месива, в позе, которая напоминала не смерть, а какое-то ритуальное действо, лежал он. Единственный труп, который отличался от всех остальных.

Стрелок замер на краю пепелища, сканируя пространство единственным глазом. Чужак. Он не был похож на жителей Лощины. Одетый в странные, слоистые одежды из выделанной кожи какого-то неизвестного зверя и нашитых на нее чешуек — не металлических, а костяных или даже каменных, — он лежал на спине, широко раскинув руки и ноги. Его лицо, не тронутое огнем, хотя вокруг все выгорело дотла, было заостренным, с неестественно высокими скулами, тонкими, словно пергамент, чертами и плотно сжатыми, бескровными губами. Глаза были открыты и смотрели в серое небо с выражением, которое Стрелок не смог расшифровать. Это не был ужас. Это не была боль. Это было... удивление. Безмерное, абсолютное удивление, застывшее навечно.

Причина его смерти была очевидна и в то же время загадочна. В центре лба, точно над переносицей, в идеальной геометрической точке, зияло аккуратное, круглое отверстие. Выходного отверстия не было — во всяком случае, на затылке, который Стрелок осторожно ощупал, кость была целая. Пуля застряла в черепной коробке.

Стрелок опустился на колени перед телом, не обращая

внимания на то, что горячий пепел прожигает ткань штанов. Интуиция, та самая, что не раз спасала ему жизнь в самых безнадежных перестрелках, взвыла, словно сирена, предупреждая о смертельной опасности. Здесь все было неправильно. Все кричало о том, что этот труп — ключ ко всей головоломке. Ранение нанесено не из его «Миротворца». Это он понял сразу, еще до того, как осмотрел рану детально. Отверстие было чуть меньше, идеально круглым, без характерных надрывов по краям, которые оставляет тупоконечная свинцовая пуля сорок четвертого калибра. Он наклонился ближе, пристально вглядываясь в рану, задерживая дыхание, чтобы не спугнуть детали. В глубине, в обрамлении запекшейся черной, почти дегтярной крови, что-то блеснуло. Что-то, что не было свинцом, не было сталью. Что-то с гладким, стеклянным, влажным отливом.

Он вытащил из голенища сапога узкий охотничий нож с костяной рукоятью. Осторожно, словно хирург, делающий трепанацию, ввел кончик лезвия в рану, стараясь не задеть кость. Раздался тихий, противный, заставляющий зубы сводить скрежет — металл коснулся чего-то невероятно твердого, более твердого, чем кость. Орудия ножом как рычагом, он аккуратно, миллиметр за миллиметром, поддел застрявший предмет и извлек его наружу. Предмет упал на его ладонь, испачкав ее липкой, холодеющей кровью.

На его окровавленной ладони лежала пуля. Но это была не пуля в привычном понимании этого слова, не кусок свинца, отлитый в форму и пропущенный через нарезы ствола. Это был идеально отшлифованный шарик из обсидиана, вулканического стекла. Он был настолько гладким, что, казалось, его отполировали не человеческие руки, а сама природа за миллионы лет. На его поверхности не было ни единого изъяна, ни единой царапины, ни единого следа от нарезки ствола. Как будто его и не выстреливали вовсе, а просто материализовали внутри черепа. Шарик был матово-черным, но в его глубине, в самом сердце, переливались, пульсировали темные, багровые искры, словно внутри была заключена капля запекшейся крови самой земли. И он был холодным.

Не просто прохладным от утреннего мороза. От него веяло ледяным, могильным, противоестественным холодом, который ощущался даже сквозь грязь, пепел и кровь на его пальцах. Холодом, который проникал сквозь кожу, сквозь мышцы, пробирался в кости и оседал где-то в самом нутре, высасывая тепло. Стрелок сжал обсидиановую пулю в кулаке, и холод обжег его до самой кости, посылая волну мурашек по позвоночнику и заставляя волосы на затылке встать дыбом.

В этот момент пазл в его голове начал складываться. Не полностью, но достаточно, чтобы увидеть очертания чудо-

вищной картины. Картина получалась многослойной, сложной и от этого еще более пугающей. Кто-то, вооруженный не пороховым оружием, а магией, технологией или силой, о которой он даже не слышал, напал на деревню. Кто-то, кто использовал обсидиановые пули. Кто-то, с кем он, Стрелок, вступил в бой и кого убил — выстрелом точным, смертельным, в голову. Это был хороший выстрел. Это был его выстрел. Он защищался. Он защищал деревню. Но потом... Потом что-то случилось.

Ответ был один, и он лежал на поверхности, отвратительный в своей простоте. Его подставили. Его использовали как оружие, как слепой инструмент. Пока его разум блуждал в неведомых, навязанных кем-то далях, пока его сознание было отключено, как гасят свечу, кто-то взял его револьвер, вложил в его же руку и хладнокровно, методично расстрелял невинных людей. Или, что еще хуже, что-то воздействовало на его разум, на его волю, заставив его самого, осознанно или нет, нажимать на спусковой крючок, глядя в глаза убегающим женщинам и детям. Эта мысль была невыносима. Она жгла сильнее любого огня. Но обсидиановая пуля в черепе чужака доказывала, что он был здесь. Он был в гуще боя. Он убил одного из настоящих нападавших — возможно, главаря, возможно, ключевую фигуру. А потом — провал. Трое суток, вырванных из его жизни чьей-то безжалостной рукой.

Он поднялся на ноги, все еще сжимая в кулаке ледяную, обжигающую холодом улику. Взгляд его единственного глаза обвел пепелище. Вокруг стояла гробовая, абсолютная тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра, который лениво перебирал золу, да далеким карканьем воронья, слетавшегося на запах падали. Он посмотрел на свою правую руку, все еще сжимавшую револьвер. Теперь он видел то, чего не замечал раньше. На стволе, помимо пороховой гари от выстрела по чудовищу, была чужая, подброшенная гарь. А на рукояти, на кости виверны, он заметил крошечную каплю воска — не от свечи, а от какого-то химического состава. Возможно, от наркотика, который вырубил его на трое суток. Возможно, от ингредиента колдовского ритуала. Улика, еще одна ниточка в этом клубке лжи.

Он, Стрелок, чье имя когда-то произносили с надеждой и уважением, чей силуэт на горизонте означал спасение для слабых и смерть для злодеев, стал пешкой. Слепым, безвольным орудием в руках того, кто обладал достаточной силой, ресурсами и извращенной фантазией, чтобы выключить его сознание и нацепить на него маску убийцы невинных. Мясник из Лощины. Так они будут его называть. Так они уже, наверное, его называют, те немногие выжившие, что успели убежать в лес и теперь разносят весть по всей округе. Его имя станет синонимом чудовища, его портреты будут вешать на столбах с надписью «Живым или мертвым», и ни одна

живая душа не поверит в его невиновность. Да и как поверить, если он сам не уверен в ней до конца?

Но где-то там, за пеленой серого снега, среди теней и руин, ходит тот, кто сделал это. Тот, кто носит с собой пули из вулканического стекла. Тот, кто плетет заклятия или использует технологии, способные подчинять волю и стирать память. Тот, кто привел с собой отряд головорезов с армейскими винтовками. Тот, ради кого была устроена вся эта кровавая инсценировка. И он допустил ошибку. Все преступники допускают ошибки. Он оставил в живых свидетеля. Не жертву — свидетеля. Того, кто способен прочесть язык улик и пойти по следу. Того, у кого есть мотив, более сильный, чем жажда наживы или славы. Того, кто одержим жаждой искупления.

Стрелок разжал ладонь и еще раз посмотрел на обсидиановый шарик. В сером свете утра он казался бездонным, как зрачок самой бездны. Теперь это была не просто пуля. Это был компас. Вещественное доказательство. Указатель. Он знал, откуда берутся такие вещи. Знал из книг, из легенд, из пьяных рассказов бывалых путешественников, которым никто не верил. Из Проклятых земель, с Дикого Запада, что лежит за Черными Пиками. Из мест, откуда не возвращался ни один караван, куда не долетают птицы и где солнце всходит кроваво-красным, а закаты длятся часами, окрашивая

небо в цвета гниющей плоти. Из царства, где, как говорят, реальность истончается, сходит с ума, скручивается в спираль, и где живут существа, забытые богами и людьми. Место, которого нет на картах, потому что любой картограф, попытавшийся его нанести, сходил с ума.

Он опустил пулю в нагрудный карман, поближе к сердцу, и она тут же обожгла его кожу ледяным поцелуем сквозь ткань рубахи. Это будет его талисман. Его якорь. Его напоминание о том, что он — не убийца. Что он — жертва. И что он станет палачом.

Он развернулся спиной к лесу, спиной к дороге, ведущей в цивилизацию, к городам и фортам, где его, скорее всего, уже ждет виселица. Он снова посмотрел на мертвую деревню, на тела, которые нужно бы похоронить, но у него не было на это времени. На мертвых людей, которым он не смог помочь и в чьей смерти его заставили сыграть главную роль. Оправдываться перед теми, кто выжил, было бессмысленно. Его вина была выгравирована на гильзах его собственным именем. Его приговор уже подписан обществом. Но у него был другой суд. Высший суд. Тот, который он вершит сам. И приговор, который он намеревался привести в исполнение, был окончательным и обжалованию не подлежал.

Он посмотрел на запад, туда, где тучи были темнее, где

они клубились, словно дым над жерлом исполинского вулкана, и где даже свет, казалось, боялся ступить на землю. Где-то там, за сотни миль бездорожья, болот и пустошей, лежит ответ. Где-то там скрывается враг, у которого нет имени и нет лица, но есть одна отличительная черта — он носит в своем арсенале пули из вулканического стекла. А значит, найти его — лишь вопрос времени. И времени у Стрелка было предостаточно. Целая вечность, украденная у смерти.

— Я найду тебя, — прошептал он, и его голос, хриплый, сухой, сорванный, прозвучал не как обещание, а как констатация факта. Как запись в книге судеб, сделанная несмываемыми чернилами. — Я пройду по твоему следу через все Проклятые земли. Я пересеку пустоши и горы. Я спущусь в самые темные ущелья и поднимусь на самые высокие пики. Я найду тебя, кем бы ты ни был — человеком, демоном, богом или дьяволом. И когда я найду тебя, когда ты увидишь мое лицо, когда ты заглянешь в мой единственный глаз... я верну тебе эту пулю. Собственной рукой.

Он не стал искать своего коня. Циан был либо мертв, либо угнан. Он не стал мародерствовать и собирать припасы в разоренной деревне — брать что-либо у мертвых, которых он не смог защитить, казалось кощунством. Он проверил, крепко ли сидит в кобуре на поясе охотничий нож. Затем, размеренными, скупыми движениями, перезарядил «Миротво-

рец» патронами из кожаного подсумка, висевшего на бедре. Шесть патронов — шесть смертей — вошли в каморы барабана с тихим, успокаивающим щелчком. Он поправил рваный, обгоревший воротник плаща, поднял его, чтобы хоть как-то укрыться от пронизывающего ветра. И зашагал на запад.

Пепел Лощины еще долго кружился в воздухе за его спиной, словно мертвые души пытались удержать его, проклясть или, быть может, благословить на долгий и страшный путь. Но он шел, не оборачиваясь. Высокая, угловатая, мрачная фигура в развевающемся на ветру изодранном плаще, постепенно растворяющаяся в серой пелене начинающегося снегопада. Фигура, которую гнала вперед не жажда славы, не мечта о золоте и не надежда на прощение. Фигура, движимая ледяным, сжатым в кулак обсидиановым возмездием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.